

КИТАЙ ГЛАЗАМИ ЭТНОГРАФА: П.В. ШКУРКИН И ЕГО «ГОРОД ХУЛАНЬЧЭН»¹

И.А. Дябкин

Павел Васильевич Шкуркин (1868–1990) – известный дальневосточный писатель-эмигрант, путешественник, ученый-синолог, член Общества изучения Маньчжурского края (ОИМК), редактор (1916–1917 гг.) и соредактор (до 1927 г.) журнала «Вестник Азии». Постоянным источником вдохновения для писателя всегда был Китай. Окончив 3-е Александровское военное училище, в котором, кстати, он учился на класс старше А.И. Куприна, молодой офицер Павел Шкуркин отправляется на Дальний Восток, где в 1893 г. он женится и становится приставом Верхне-Уссурийского участка. Свою писательскую карьеру П.В. Шкуркин начал как этнограф и фольклорист, составляя дневниковые записи о быте, обычаях и традициях жителей Уссурийского края, записывая народные песни и предания. В 1894 г. П.В. Шкуркин отправляется в путешествие по Приморской тайге – как приказчик, своим долгом он считал вести борьбу с хунхузами. Проводником Шкуркина по дебрям приморской тайги выступил брат знаменитого Дерсу Узала – Степан. Первый опыт опасного путешествия писателя по тайге способствовал пробуждению интереса к изучению жизни, традиций, обычаев и языка китайцев².

Узнав, что во Владивостоке открылся Восточный институт, Павел Шкуркин, вопреки уговорам товарищей, пишет прошение: «Заинтересованный изучением края и культурой инородческого населения, я – насколько позволяла мне обособленная жизнь человека, выброшенного в места, удаленные от жизненных центров, – изучил на практике язык (слабо), обычаи и особенности жизни китайского населения Южно-Уссурийского края, особенно Засучанья, Верхне-Уссурийского и Ольгинского участков. Чувствуя, что без солидного посредства и руководства при изучении жизни и языка инородцев мои знания навсегда останутся недостаточными, я хочу дополнить их в

¹ Исследование поддержано грантом Российского научного фонда. Тема «Этнические миграции как фактор цивилизационных взаимодействий и социокультурных трансформаций в Восточной Азии (история и современность)», проект № 14-18-00308.

² О художественном освоении этнокультурных обычаев и уклада жизни китайцев, например: Забияко А.А., Дябкин И.А. Образ разбойника в контексте «фронтирной мифологии» дальневосточной эмиграции // Символическое и архетипическое в культуре и социальных отношениях. Пенза-Прага, 2011. С. 170–181; Забияко А.А. От научных изысканий к художественной этнографии: В.К. Арсеньев, П.В. Шкуркин, Н.А. Байков // Забияко А.А., Забияко А.П., Леошико С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта. / Под ред. А.П. Забияко. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015. 463 с., илл. С. 242–283.

учебном заведении...»¹. С 1899 г. он становится вольнослушателем китайско-маньчжурского отделения Восточного института.

«Город Хуланьчэн. Очерки из исторического и экономического быта Центральной Маньчжурии»² – это первая научная работа П.В. Шкуркина, ставшая результатом неоднократных поездок по Китаю и Маньчжурии; это первый большой труд, однако, уже в нем образы Китая и китайцев переданы через восприятие ученого-востоковеда, взывающего путешественника и вдохновенного писателя. Жанр произведения определен самим автором в заглавии: «очерки из исторического и экономического быта Центральной Маньчжурии». Стоит отметить, что первый опыт этнографических очерков писателя коснулся не только «исторического и экономического быта Центральной Маньчжурии» – в книге Шкуркина содержатся редчайшие сведения о культурных и религиозных традициях жителей дальневосточного фронта.

К сожалению, «Город Хуланьчэн» является библиографической редкостью. Впервые книга была издана 1904 г. с фотографиями и картами, составленными самим автором. С тех пор «Город Хуланьчэн» не переиздавался. Первоначальный замысел книги должен был включать и рисунки автора, однако, как указывает автор в заключении книги, «Прилагаемые рисунки не могли быть помещены вследствие типографских затруднений. По той же причине пришлось выпустить все китайские иероглифы, ограничившись лишь их русской транскрипцией»³. В настоящей публикации приводятся отрывки из первого труда П.В. Шкуркина, которые послужат ценным материалом для исследователей разных отраслей гуманитарного знания – историков, филологов, религиоведов и др.⁴.

ГОРОД ХУЛАНЬЧЭН (отрывки) **П.В. Шкуркин**

Хуланьчэн и его округ играют наивыдающуюся роль в экономической жизни Маньчжурии⁵. Время основания Хуланьчэна точно неизвест-

¹ Цит. по: Хисамутдинов А.А. Синолог П.В. Шкуркин: «Не для широкой публики, а для востоковедов и востоколюбив» // Известия Восточного института. 1996. №3. С. 153.

² Шкуркин П.В. Город Хуланьчэн. Очерки из исторического и экономического быта Центральной Маньчжурии. Никольск-Уссурийский, 1904. 94 с.

³ Шкуркин П.В. Город Хуланьчэн. Указ. изд. С. 94.

⁴ При публикации нами была допущена минимальная правка, соответствующая современным нормам орфографии и пунктуации.

⁵ Городок Хуланьчэн (Хулань-чэнь) был расположен по линии КВЖД на расстоянии приблизительно 50 км к северу от Харбина и основан китайскими (маньчжурскими) переселенцами.

но. В «Хэй-лун-цзяне шу-ляо»¹ говорится, что «в 1682 г. были передвинуты на север войска с семьями из Гирина и Нингуты, причем в Хайларе, Бутхе и Хуланьчэне размещены китайские войска». Между тем в «Записках Маньчжурского народа» (изданных в 1739 г., но составленных несколько лет раньше), где подробно перечислены все города и поселки, в которых размещались войска и все вновь образованные по той или иной причине поселения, – о Хуланьчэне нигде не говорится ни одного слова; хотя относительно близ лежащего города Бодунэ, по тому же сочинению, можно с точностью вывести, что он был основан 31 мая 1692 года на землях Сибо, Гуальча и Дахуров для развития в крае земледелия и снабжения войск хлебом. <...>

Гораздо большего внимания заслуживает указание стариков, живущих в Хуланьчэне, что этот город основан в 13-м году правления Юн-чжэна (1735 г.) на месте пришедшей в упадок деревушки Хулань-токео, бывшей Хулань-хада, основанной Дэрибухэ-мэфа-Да-Хуаньди (родоначальник современной Маньчжурской династии). <...>

Маньчжуры здесь до такой степени слились с китайцами, что их нельзя отличить с первого взгляда. Часто встречается типичный по наружности маньчжур – с удлинённым овалом лица, прямыми глазами, тонким, горбатым носом, с почти незаметными скулами, здоровым румянцем на щеках и сравнительно густой растительностью на лице и, к удивлению, узнаешь от него, что он не маньчжур, а китаец. Вообще, для стороннего наблюдателя между маньчжурами и китайцами в настоящее время почти нет никакой разницы, тем более, что те и другие говорят одним и тем же языком, носят один и тот же костюм и т.д. Но стоит только подольше пожить среди них, приглядеться к их обстановке и быту, – как разница между двумя народностями, – маньчжурами и китайцами, – выступит довольно рельефно. Начнем хотя бы с языка: у маньчжуров до сих пор в китайском языке находится много маньчжурских слов; например, если они говорят про своего отца, то они не называют его «дэ» – тем словом, которое употребляет китаец «минь», т.е. простой народ; взамен всего он скажет «оды ама» – мой отец ама, чистое маньчжурское слово – «отец», слугу будут называть «гошиха», «гочика», что по-маньчжурски значит «телохранитель», костюм маньчжурской женщины до сих пор отличается от такого же у китайки. Обряды при совершении похорон, свадеб и т.п., – национальные, резко отличающиеся от китайских. Все это говорит в пользу того, что маньчжуры до сих пор еще не вполне слились с китайцами, чему препятствует национальная гордость и то сознание, что император –

¹ «Хэй-лун-цзяне шу-ляо» годом основания города Хуланьчэна как центра управления считает 12-й год Юн-чжэна (Прим. П.В. Шкуркина).

маньчжур. Мы уже не говорим о тех юридических законах, которые резко обособляют маньчжуров от китайцев.

Отношения между маньчжурами и китайцами не отличаются дружелюбием: маньчжуры, считая себя высшей расой, позволяют себе всячески обижать китайцев-поселян. На это обращали внимание цзян-цзюни, но добиться благоприятного решения этого вопроса было, конечно, очень трудно. <...>

Несмотря на привилегированное положение маньчжуров, маньчжурский язык, здесь, в Хуланьчэне, почти забыт. Из живущих в Хуланьчэне нескольких тысяч маньчжуров, только один умел говорить по-маньчжурски, да и тот только на время приехал из Цицикара. Грамоты маньчжурской не знает никто; в городе нет ни одной маньчжурской книги. На вопрос о них книжные торговцы говорят: «Да кому они нужны!».

Конечно, недалеко то время, от которого остается только воспоминание, что маньчжуры были здесь когда-то хозяевами. Об этом будут напоминать, вероятно, еще долго так называемые «амабан-токео» или, по-китайски, «гуань-тин». Это, как показывает само название, – казенные поселения, в состав которых раньше входили одни только маньчжуры. Поселения эти были образованы еще прежде самого Хуланьчэна – одновременно с г. Бодуна, который служил тогда центром казенных селений <...>

Отношение населения к русским – добродушное, служилый же класс держится замкнуто и враждебно; будучи с виду вежливым и предупредительным, он всячески старается, где можно, вредить русским. Примером может служить хуланьчэнский фудутун¹ Го. Осенью 1901 г. г. Аникин, владелец и капитан парохода «Аскольд», желая завязать торговые сношения с г. Хуланьчэном, рискнул подняться вверх по Хуланьхэ² и дошел до Хуланьчэна, но у него вышли все дрова. Когда он попробовал купить дрова в городе, то был удивлен тем, что торговцы ни за какие деньги не хотели продать ни одного полена. г. Аникин отправился к фудутуну с просьбой посодействовать приобретению дров и получению грузов, но фудутун приказал ему немедленно убратся с пароходом из города. Аникин указал на невозможность выполнения его приказа вследствие отказа продать дрова. «Хорошо», – сказал фудутун, – я разрешу продать Вам дрова, но лишь для того, чтобы Вы убрались отсюда <...>.

Простой народ и купцы в общем относятся к русским доброжелательно, из европейцев же они более уважают и считают самыми сильными – французов. О причине этого явления коснемся дальше.

Народ (как китайцы, так и маньчжуры) ненавидит свое правительство и ждет не дождется, когда во всей стране будет введено русское

¹ Фудутун (термин китайского происхождения) – назначенный наместник; начальник.

² Хуланьхэ – левый приток реки Сунгари (наряду с Нонни).

управление, а что это непременно будет так – он не сомневается. Не думаю, чтобы китайцы в разговорах со мной выражали бы эти чувства только лишь из одной любезности, потому что, спрашивая у меня, правда ли, что русские теперь хотят возвратить Маньчжурию, и узнав, что это действительно так, – все ремесленники и купцы искренне огорчились и говорили: «Что теперь делать? Совсем заело нас маньчжурское начальство!». А один офицер, маньчжур, наоборот, выражал свою радость по поводу этого «справедливого», как он говорил, «поступка России». Некоторые маньчжуры, не находившиеся на службе, приписывали все зло развращающему влиянию окружающих двор китайских сановников и вообще китайской цивилизации, – говорили, что у многих из них считается единственным средством для избавления от всех зол – это «вырвать» императора из Пекина, привезти его в Мукден и не пускать на север, на Великую стену ни одного китайца, великие идеи первых императоров – покорить Китай – погубили маньчжуров и теперь, чтобы маньчжуры не исчезли с лица земли – необходимо отделение Маньчжурии от Китая, пусть он идет своей дорогой, а для Маньчжурии (конечно, под покровительством России, в первое время) только тогда и могут вернуться золотые дни времен Тайцао и Тай-цзуна, Шунь-чжи и Кан-си.

К стоящим теперь в разных пунктах русским войскам относятся очень хорошо. Говорят, что в первое время, когда край был только что занят нами, солдаты обижали женщин, теперь же жалобы раздаются только на железную дорогу, а именно – на западный участок. По словам китайцев, рабочих бессовестно обсчитывают, особенно много злоупотреблений при определении качества грунта, за средний грунт платят как за мягкий, за твердый – как за средний, так что рабочим приходится получать вдвое и втрое меньше условленной платы.

Огромную роль в этих неурядицах играют китайцы – рядчики. Из них нет почти ни одного, которых бы под тем или другим предлогом не удерживал деньги с рабочих, сваливая вину на инженеров, артельщиков железной дороги или русских крупных подрядчиков.

Еще хуже обстоит дело с переводчиками. Контингент их набирается, преимущественно, из бывших слуг, выгнанных приказчиков, бывших слуг, чернорабочих и т.п. китайских отбросов, побывавших в России и выучившихся нескольким русским фразам. Не говоря уже об их недобросовестности, они часто только в силу своего незнания русского языка неправильно переводят рабочим распоряжения железнодорожных агентов или придают им чисто китайскую мотивировку и оценку. В результате – недовольства, забастовки, волнения и даже убийства, произведенные якобы хунхузами.

Отношения между китайцами-хозяевами и служащими кажутся поистине удивительными. Я ни разу не только не слышал грубого окрика или брани, но даже все приказания отдаются распорядителями в виде совета, спокойно, с улыбкой; даже в виду явной небрежности (весьма, впрочем, редкой) кажется, будто так и должно быть, потому что хозяин никогда не сердится, не выказывает раздражения. Голоса возвышаются только под влиянием ханшина, которого выпивается большое количество (благо 1 фунт стоит всего 8 копеек), но только после трудового дня, на сон грядущий; но ссор все-таки нет.

Несмотря на существующее в Китае рабство, фактических рабов в Маньчжурии нет, и человека здесь нельзя купить, потому что, по словам китайцев, «людей здесь еще мало, в Шаньдуне и других местах можно купить сколько угодно». Единственное различие рабов от свободных – это недопущение первых к государственным экзаменам; но с другой стороны, многие «рабы» могут доказать, что их фамилии уже четыре поколения, как избавились от рабского состояния, – и в таком случае они делаются вполне правоспособными.

<...>

Если не географический, то экономический центр всего округа, к которому тяготеет все население, – город Хуланьчэн. Трудно сказать, почему при постройке города выбор пал на его теперешнее положение, которое не имеет решительно никаких преимуществ перед другими местами в Хуланьхэ и Сунгари. <...> Город раскинулся приблизительно в пространстве 13 квадратных и представляет из себя одну длинную, более 4 верст длиною, довольно широкую, главную улицу, упирающуюся одним концом в реку Хуланьхэ (через которую в этом месте ходит паром), а продолжением другого ее конца будет большая дорога в Баян-сусу. Вся улица с обеих сторон состоит сплошь из магазинов, лавок всевозможных мастерских, гостиниц и т.п. Когда подъезжаешь к городу со стороны Харбина, то еще с другой стороны – правого берега бросается в глаза оригинальная китайская красота этой улицы.

Бросаются еще в глаза вывески в виде отвесно висящих качающихся досок. В самых же богатых магазинах вывеска делается из двух гигантских плоских брусьев, поставленных на улице по бокам магазина; верхушки их покрываются точеной шапкой из белого металла, а низ укрепляется между двумя каменными плитами, врытыми в землю. Такая вывеска стоит здесь до 500 рублей штука.

<...>

Почитание усопших, возводимое в культ китайцами, относится у них лишь до почивших родственников; вообще же к смертным останкам китайцы не так почтительны, как принято думать, а скорее относятся к ним с

невниманием. За городом, с северной стороны есть овраг, образованный разливами Хуланьхэ, за оврагом расстилается поле, а по самому краю его идет тропинка и около нее поставлено много гробов. В одном отвалилась доска, а внутри него ничего нет – вытащили собаки. Другой гроб совсем развалился, и скелет, с высохшими мускульными волокнами и большими лоскутами кожи, валяется посреди тропы, ступней и кистей нет, небольшой череп лежит около досок гроба, в стороне. Китайцы ходят кругом и смеются, мой проводник отошел шагов на 20 в сторону и зажимает нос, уверяя меня, что «пахнет», хотя и пахнуть тут было нечему.

<...>

Каждый дом, не предназначенный для торговли, устраивается следующим образом: вся усадьба обязательно обносится стеной; у богатых стена кирпичная, сверху часто узорчатая, а у бедных – из сырцового или саманного кирпича и обмазана глиной с рубленой соломой, иногда же – просто глинобитная. Последняя, конечно, самая непрочная, но все-таки простаивает, если аккуратно сделана, лет 7–8; у многих усадеб по углам стоят четыре будки, или башни, с окнами в виде бойниц, откуда караульные по ночам должны осматривать все четыре фаса и предупреждать появление хунхузов.

<...>

Самая большая и самая красивая кумирня – Лао-е-мяо – находится не на главной, а на параллельной ей улице. Перед воротами стоят два каменных льва, а около них почти всегда одна или несколько групп людей, сидящих на корточках: это идет игра в кости. По бокам ворот две башни; крыши на воротах, башнях и главном здании – из очень красивой, цветной черепицы; стиль – какая-то смесь индийского, китайского и древнерусского. По краям крыши и на всех выступающих углах привешены желтые колокольчики, которые, качаясь от ветра, издают мелодичный звон. Внутри главных ворот, открывающихся только в праздники, справа и слева, стоят две огромные фигуры (ма-тун) воинов, державших под уздцы оседланных лошадей. Далее открывается первый квадратный, очень чистый и красивый коридор, на котором стоят две черепахи, с поставленными на их спинах каменными плитами с начертанными на них иероглифами: фынь-чжи. Поставлены они были в 25 году правления китайского императора Гуань-суй¹, т.е. в 1900 году. Слева и справа от этого двора стоят две красные

¹ Гуань-суй (Гуаньсуй) – Айсиньгёро Цзайтянь (кит. trad. 愛新覺羅·載湉; 14 августа 1871–14 ноября 1908), правивший под девизом «Гуансуй» (кит. trad. 光緒; 25 февраля 1875–14 ноября 1908) – предпоследний император империи Цин. В период его правления власть фактически находилась в руках его тётки и приёмной матери – вдовствующей императрицы Цыси, которая пресекла реформаторские начинания Гуансуй – проект умеренных «Ста дней реформ» в 1898 году, целью которых было преобразовать империю по образцу японской революции Мэйдзи. В ходе этих реформ Гуансуй основал, в частности, Императорскую выс-

фанзы, теперь там живет сторож и находятся закрома с зерном. Возле переднего входа стоит чугунный, сажени полторы, изящный треножник (сянь-дзинь). Перед ним стоит на земле обыкновенная кухонная чаша, в которой на самом деле и сжигаются курительные свечи. Слева – кумирня Бай-шень и Хый-шень (белого и черного духов). Передняя часть двора приподнята, и на этом возвышении выстроена главная кумирня, состоящая из трех отделений. В среднем возвышении, посередине возвышается статуя самого Лао-е¹, а по бокам его 8 статуй: Ху-бана, Гуань-сина (с мечом), Вань-фу, Гуань-нина, Чжоу-цана, Чжай-лей, Чжань-бо (с мечом) и Лао-хуа (с копьем).

В левом отделении – чернобородая статуя с золотым лицом, Ньюана², т.е. коровьего князя. Обе стены расписаны масляными красками; это бесчисленные сражения и большинство воинов поражается струями воздуха из уст какого-либо героя, есть летающие ножницы и т.п. чудеса.

шую школу – Пекинский университет. После переворота, устроенного Цыси, император жил под домашним арестом в пекинском Запретном городе; указом вдовствующей императрицы он был объявлен недостойным сана. Европейские державы продолжали признавать его царствующим государем; формально его царствование и эра продолжались до конца его жизни, многие оппозиционеры и эмигранты планировали вернуть его к реальной власти. В 1901 во время ихэтуаньского («боксерского») восстания против европейцев Гуансюй и Цыси были эвакуированы из Пекина в Сиань в гражданской одежде. Гуансюй умер в своём павильоне в Запретном городе за день до Цыси; ходили слухи, что она, почувствовав, что умирает, приказала его отравить, хотя молодой император был давно болен туберкулёзом. В 2008 году китайские исследователи опубликовали материалы исследования останков, согласно которым Гуансюй действительно отравили мышьяком.

¹ *Лао-е (Гуан-ди, Гуан-лао-е)* – под этим именем в Китае канонизирован китайский генерал III в. по Р. Х. Гуан-юй, известный своей преданностью законной династии из дома Хань. Настоящая династия признала его своим гением-хранителем. Китайцы, тибетцы и монголы, а за ними и европейские исследователи считают его за одно лицо с тибетско-монгольским легендарным богом-героем Гэссэр-ханом, которого тибетцы прямо назыв. богом войны. Почитание Гуан-ди распространилось и в Маньчжурии, надо думать, еще при минской династии. В настоящее время храмы его встречаются в Маньчжурии всюду: и в городах, и в деревнях. Особенно часто эти храмы устраиваются на перевалах и на вершинах гор; оттого в Маньчжурии многие хребты и перевалы, а за ними и деревни около них, носят имя Гуан-лао-е (Лао-е-лин, Лао-е-мяо). Изображается он или в виде императора, на троне, в зеленой шелковой одежде, с двумя приближенными, или верхом на лошади, в полном вооружении. Главной особенностью его храмов служат два конюха (ма-тун), ведущие в поводу двух оседланных разномастных лошадей и помещаемые почти всегда в особом воротном здании.

² *Нюван – 牛王* – Князь волов, Бао-ню да-ван (Великий князь охранитель волов), Ню-лань да-ван (Великий князь воловьего загона), в китайской народной мифологии бог-покровитель крупного рогатого скота. Считалось, что он предохраняет волов и коров от эпизоотии. Согласно одной из традиций (уезд Мисянь пров. Хэнань), Ню-ван по происхождению был ученым, жившим в XIII в. в конце дин. Сун. Будучи разоренным и лишенным привычных занятий вследствие установления монг. династии Юань (с 1271), он, став земледельцем, никогда не бил своего вола, на котором пахал.

В правом отделении – трехглазая статуя с золотым лицом Ма-вана¹, т.е. лошадиного князя. Обе стены тоже расписаны; на левой – картины, сравнительно мирного содержания: похищение двумя богатырями двух женщин из города, над которым сражаются в облаках два духа, перед судилищем с бородатым судьей в желтой одежде, лежат ничком два человека со связанными голыми ногами и их бьют по ахиллесовым сухожилиям – кровь льется; парад, почетная стража с тигровыми щитами и т.п. На правой стене конные отряды, которые идут в атаку.

Кумирня Лао-мяо считается конфуцианской, 5-го июня (13-го числа 5-го месяца) был праздник Лао-е-хуй, т.е. встреча Лао-е, и хлопушки начали греметь от сан-дина, и до главной кумирни поставили в два ряда 42 штуки деревянных, позолоченных и серебряных бердышей, копий и мечей. Этот день, так сказать, – только преддверие праздника, который наступает 7-го июня, тогда в кумирню пожалует сам фудутун в 4 часа утра для воскурения фимиама; никого, кроме приближенных чиновников, туда не пустят. Простой народ чтит 5-е число больше, чем 7-е, поэтому в этот день народ толпится в кумирне. Большинство ведет себя так, как мы в картинной галерее или в музее: ходит, рассматривает, щупает, курит, плюет. Вот пришел старик лет 70-ти, держа в руках куклу величиной $\frac{3}{4}$ аршина, одетую в шелковое платье и шапочку. Держа ее перед грудью, он совершил Цзо-и (поясной поклон) перед главной статуей Лао-е, затем зажег пучок курительных свеч у горящей перед божеством красной свечи, выйдя из кумирни с пылающим пучком и куклой в руках, он стал перед сан-ди-ном посреди двора; затем сделал Цзо-и поднял у куклы спереди платье. Кукла внутри оказалась соломенной, а голова – бумажная, искусно разрисованная. Затем старик поджег куклу между ног курительными свечами и положил ее вместе со свечами в чашу, стоящую перед дином. Кукла пылала, старик делал Цзо-и, а наблюдавший эту сцену какой-то китаец подкурил об пылающую куклу свою трубку и продолжал смотреть. Все это делалось совершенно спокойно, никакого энтузиазма или религиозного увлечения. А кажется, что старик молился о самом важном, что есть у китаец, что дороже жизни: о даровании потомства своему сыну, потому что с прекращением его рода некому будет приносить жертвы его предкам...

В этот день перед воротами Лао-е-мяо и Нянь-нянь-мяо² продается масса соломенных кукол мальчиков, девочек, коней и коров. Покупают их

¹ *Ма-ван* – Ма-ван («князь лошадей») – в китайской народной мифологии бог-покровитель лошадей. Ма-ван считался воплощением созвездия Фан, которое, согласно астрологическим воззрениям, вершит судьбы коней. Ма-вана почитали военные (всадники) и хозяева, державшие лошадей.

² *Нянь-нянь-мяо* – храм (кумирня) деторождения, буквально: детская кумирня (*нань-нань* – вост. диал.: ребенок, дитя).

больше женщины, приходящие толпами в праздничных платьях, со множеством цветов и украшений в волосах.

Обычай приносить в жертву куклы людей указывает на то, что в древности приносились божеству в жертву люди, точно также, как погребать с умершими изображения домашнего обихода.

В этот день, 13-го числа 5-го месяца обязан вечером в парадном платье и летней мандаринской шляпе (если не мандарин, то шляпа без шарика) прийти в домашнюю кумирню и совершить поклонение перед богами, которых бывает обыкновенно 5. Сначала хозяин делает Цзо-и перед каждым богом и зажигает пучок курительных свеч, и опять Цзо-и; то же делает перед стоящим в стороне жертвенником домашних духов-предков. Затем прислужник кладет перед правым богом маленький ковер, и хозяин делает на нем три раза ка-тоу (земной поклон); ковер передвигается к другому боку и ка-тоу делается 6 раз, среднему богу – Лао-е – 9 раз; 4-му – 6 раз, 5-му – 3 раза, домашним духам – 3 раза. Если хозяин куда-либо ушел, хотя бы в гости, то всю эту процедуру, в том же порядке, проделывают старший родственник или просто приказчик, и часто весьма небрежно (как мне пришлось наблюдать), уменьшая число ка-тоу.

Кумирню выстроил император Цянь-лун (1736–1796) ¹<...>

¹ Император Цян-лун – Айсиньгёро Хунли (кит. 爱新觉罗 弘历; 25 сентября 1711 – 7 февраля 1799) – шестой маньчжурский император династии Цин. В течение 59 лет (1736–1795) правил под девизом «Цяньлун» (Непоколебимое и славное) (乾隆). Четвёртый сын Айсиньгёро Иньчжэня, правившего под девизом «Юнчжэн».